

Одно громадное сердце
 стучало в моей груди,
пока не оставил однажды
 Россию я позади...

Тем летом домой возвратился,
 не в силах понять одного:
стучит моё сердце, как прежде,
 иль это эхо его?

Не мог я тогда догадаться,
 что там и осталось оно,
что вместо часов на Спасской
 стучать ему суждено.

И как тогда золотился купол
 один в Кремле...
Вернусь — и Москва мне,
 верю, вернёт его, в том числе.

А в Храме Христа Спасителя
 сотни свечей горят,
с тобою схожая девушка
 ещё одну ставит в ряд.

Арбат, говорят, изменился,
 я видел его другим —
сейчас новый век ветвится,
 пылает, шумит над ним.

Ничто не осталось прежним,
изменчив и смысл, и вид.
Но так же с Россией согласно
сердце моё стучит.

ПОВТОРНОЕ ПУТЕШЕ- СТВИЕ В РОССИЮ

Здравствуй, Россия!
Вот, после стольких лет,
видишь меня,
обошедшего целый свет,

долго плутовавшего,
ждавшего одного...
Но не волнует явление моё —
никого.

Я представлял:
увидит теперь любой,
как моё сердце светится
над Москвой.

Думал, ступлю из вагона
среди бела дня —
вмиг пол-России сгрудится
вкруг меня!..

Медленно по перрону,
толпой ведом,
вышел на улицу —
слёзы сдержал с трудом.

Но до угла одинокий добрёл,
а там
прямо навстречу —
топает Мандельштам.

КОСОВО И МЕТОХИЯ

Что берёт в душе от вышних,
то огонь уже повыжег,

пламенем — по рукам,
вспышками — по устам.

За слёзы о чьём-то сыне,
за попоранные святыни,
за птицу, сбитую влёт,
душа к отмиценью зовёт.

Крест, меч и речь мою —
Косову отдаю.

В Метохии — сны мои.
С подъязычным ядом змеи

пойду в монастырь Дечаны —
оставить старые раны,

и, силой памяти призван,
вернусь к тебе, древний Призрен:

разрушенные, в чаду,
Архангелы* обойду.

ВЕТКА

Зазеленела ветка вешняя
и небо мне в окне закрыла,
зарю разбавила черешневым,
нежнейшим цветом осветлила.

Не вижу ласточку из комнаты, —
с ней был и я причастен сини, —
и крыльев лук её изогнутый,
который нёс меня доньне.

* Монастырь Святых Архангелов
около Призрена в Косове

ЖЕНЩИНА В ОКНЕ

Черты очертаньем стали.
Загадкой. Но видно, как
одна за другой детали
одежды скользят во мрак,

вздывается тюль, который
коснулся груди, плеча...
И мечется свет за шторой,
и сходит с ума свеча.

ЕСЛИ БЫ

Будь я художником,
то капель дождевых
следы запечатлел на окнах
среди улиц.

А на втором листе —
всё те же окна. В них
затеплились огни,
что в сумерках проснулись.

На третьем — взмах руки
у твоего лица
(прощанья акварель,
картина небольшая)
и шёпот, что, шумы
и звуки заглушая,
по улице ведёт до самого конца.

ЦЕТИНЬЕ

Все святыни, что были на свете,
Я когда-то связывал с Цетинье.

Монастырский двор испокон
мне дарил тепло и покой.

Ощущал я себя на вотчине,
углядев часовню на Ловчене* ...

РОЗА

Вряд ли нужны шипы розе
без аромата.
Разве обороняться ей предстоит
когда-то?

Пробовал я писать
на лепестковой ткани
строки о розе, лишённой
благоуханий.

Думал воспеть я розу,
но всякий раз
пел о шипах у нас.

СЛАВЯНСКОЕ

Порой во мне — во сне, в тумане
проснутся древние славяне.

Лес дышит. Аромат всё гуще
у лип цветущих,

и не вино — услада духа,
а медовуха.

И пчёл страда необозрима —
несутся мимо,

блестит на них, не облетая,
пыльца цветная...

* До конца 1960-х гг. прах последнего духовного правителя Черногории, митрополита Петра II Петровича-Негоша, покоился в старинной часовне на горе Ловчен. Она была разрушена, и, в нарушение заветов Владыки, к 1974 г. был построен мавзолей

